

Виктор ДЪЯКОВ (г.Москва) РАБОТЯГА И ПЕВУНЬЯ

Дежурную аварийную бригаду вызвали вечером. Пока определяли место прорыва да рыли траншею, Геннадий стоял в стороне, курил. Не его дело долбить асфальт, копать землю, ему предстояла самая тонкая и важная часть общей работы — заварить образовавшуюся в водопроводной трубе дыру, ибо был он в аварийной бригаде газосварщиком. Докапывались до места прорыва довольно долго. Стало уже смеркаться, когда один из землекопов выскочил из траншеи, ругаясь и тряся облитыми горячей водой штанами спецовки:

— Суки... пидары... вентиль не перекрыли! — орал землекоп.

Впрочем, обвинял он работников местной котельной напрасно. Они завернули как положено вентиль подачи горячей воды, но тот, будучи таким же изношенным, как и прочие элементы водоснабжения, что называется, "не держал".

Геннадий понимал, что "варить" ему предстоит при свете фар их передвижной "техпомощи". Это, конечно, ерунда, при его квалификации он и при свете карманного фонаря шов сделает, но ведь работать предстояло на мокрой трубе и по щиколотки в горячей воде...

— Что делать будем, Семёныч?.. Если подачу не перекрыть, я не смогу заварить, да и опасно, — обратился он к бригадиру, отбрасывая недокуренную сигарету.

Бригадир с Геннадием остались возле траншеи вдвоём. Землекопы своё дело сделали и теперь курили уже они. На следующем этапе работать должен сварщик, а бригадир обеспечить условия... Условия обеспечили только к полуночи, когда перекрыли горячую воду аж всему микрорайону. Геннадий одел резиновые сапоги и полез в траншею. Вода из трещины больше не сочилась, но земля всё равно была мокрой. Геннадий очень хорошо знал своё дело и потому мог работать и в полутьме, и в сырости, при этом сделать всё так, чтобы электроток не использовал его тело в качестве своего проводника. И всё равно шов давался с трудом. Геннадий провозился почти до трёх часов ночи под дружный храп землекопов, раздававшийся из будки "техпомощи".

— Готово, Семёныч, кажись, выдержит, — Геннадий снял "маску", с трудом вылез из траншеи, разминая затёкшие от долгого сидения на корточках ноги.

Пока отворачивали вентиля и проверяли, как держит свежий шов, пока заспанные землекопы ни шатко, ни валко закидывали землёй траншею... Что им торопиться, даже если после окончания смены чуток задержатся — они ведь все или москвичи, или жители совсем ближнего Подмоскovie, не дальше десятка-полтора километров от кольцевой, им-то до домов добраться после смены всего ничего — не переломятся. Не то, что Геннадию, который едва успевал переодеться, чтобы не опоздать на электричку, в которой ему предстояло пилить до своего посёлка два часа.

И сейчас получилось так же. Еле держащийся на ногах от усталости Геннадий за пару минут до отхода влетел в электричку, занял место у окна и почти сразу заснул, едва застучали колёса и вагон начал убаюкивающе раскачиваться... Он всегда дремал в электричке после смены, но сейчас отрубился напрочь — ночная работа буквально высосала, обессилила его. Трудно сказать, выдержал бы Геннадий такой график — через три дня на четвёртый — будь он похлипче здоровьем и постарше. Но Геннадию было тридцать два года, и на здоровье он пока не жаловался. Сейчас что, сейчас лето. Ну, устал, ну, мокрый весь, ну, не спал всю ночь... но не замёрз же. А вот зимой... ох как приходилось мёрзнуть во время таких вот прорывов труб зимой, или при авариях в котельных, или когда прорывало канализацию и всё "ге" из прорыва лило едва ли не на голову. Да, деньги Лужков, конечно, платил — двадцать тысяч. Где ещё мужик из дальнего подмосковного посёлка столько заработает, но то был тяжкий, грязный, а

иногда и просто опасный для жизни труд.

— Эй, милоч... ты станцию-то свою не проспешь? — кто-то легонько тряс его за плечо.

Геннадий разлепил глаза и, увидев рядом озабоченное за него старушечье лицо, благодарно улыбнулся:

— Спасибо, бабуся, никак не просплю, моя — последняя. А если и в тупик завезут, мне оттуда до дома ещё ближе...

2

Обычно после смены Геннадий дома до обеда отдыхал. Но сегодня — день субботний, а значит и жена должна быть дома, и дочка, гулявшая каникулы. Но, странное дело, дом оказался закрыт, ключ спрятан на обычном месте... ни жены, ни дочери. Геннадий побегал по саду-огороду — никого, открыл дверь, вошёл в дом — нигде никакой записки. Идти к соседу, с которым состоял, мягко говоря, не в дружественных отношениях, узнать у него, может чего и знает — не хотелось. Но идти и не потребовалось, тот и сам тут как тут, от калитки посвистывал.

Алексей, бывший одноклассник Геннадия, когда-то пионерский и комсомольский активист, а сейчас регулярно "употреблявший" и постоянно ругающий нынешнюю власть лысеющий мужичок, смотрелся куда старше своих лет. Таковых в посёлке насчитывалось едва ли не половина мужчин так называемого трудоспособного возраста. После закрытия железнодорожных мастерских, при Советах являвшихся "кормильцем" посёлка, все они остались без работы. Искать оную, как это сделал Геннадий, вдалеке,

вставать через каждые три дня в четыре утра, чтобы с первой электричкой ехать на смену... вкалывать — на такое оказались способны далеко не все. Большинство же поселковых мужиков и их семьи в постсоветское десятилетие выживали либо за счёт огородов и близлежащих лесов, или сбором, а иногда и откровенным воровством всевозможного лома цветных металлов. Некоторые так и вообще ничего не делали, сидели на шее родителей-пенсионеров. Не мудрено, что Геннадия по-чёрному завидовали. Все были не прочь так же, как он, получать, но не могли, ибо в своей предыдущей жизни не смогли, или не захотели овладеть нужной при любом социальном строе профессией. Да и работать как он не хотели, так же мучиться, уставать, мотаться...

Одним из самых ярых завистников и являлся сосед Алексей. Не "вписался" бывший активист в новую жизнь — далеко не каждый комсомольский работник сумел переqualificироваться в бизнесмена. Сейчас Алексей пытался промышлять цветным металлом, но доход имел нерегулярный и небольшой, потому буквально слюной исходил, видя, как год от года богатеет его сосед и одноклассник. А ведь когда-то было... Сойдутся ныне покойные матери у забора и Алексеева давай хвастать да на будущее загадывать: мой-то точно в начальство выйдет, в пиджаке при галстукe ходить будет... Вздохнула в ответ мать Геннадия, она-то не сомневалась, что её сыну ничего кроме рабочей спецовки не светит. Помнил об этом Геннадий и нарочно не скрывал ни своего заработка, ни крупных покупок, которые время от времени они с женой делали. В доме у него имелось два импортных телевизора, немецкая стиральная машина, бензопила... В позапрошлый год он купил хорошего леса, нанял плотников и построил новую бревенчатую баню. Мог бы купить и автомобиль — у него на "Жигуль" и деньги имелись, — и гараж. Но не хотелось брать отечественную машину. Он мечтал об импортном внедорожнике, но на него, даже на подержанный, требовалось не менее пятнадцати тысяч баксов. Таких денег у него не было. Нет, он не держал семью на голодном пайке, но деньги откладывал регулярно, с каждой полочки, благо почти все продукты свои, с огорода...

— Что, много сегодня московского дерьма намесил? — злорадно улыбаясь, спросил Алексей.

— Сколько есть, всё моё, — хмуро отозвался Геннадий, подходя к калитке. — Что надо? — спросил в свою очередь грубо.

— Ты бабу свою, случайно, не потерял? — продолжал ехидно улыбаться сосед.

— А тебе какое дело? — вновь неприязненно огрызнулся Геннадий, констатируя, что Алексей чего-то знает, и явно неприятное для него.

— Да так, мне-то что, моё дело сторона, если не хочешь, не скажу, хоть и могу.

— Если можешь, говори, чего кота за хвост... — градус настроения Геннадия, усугублённый усталостью и некачественным сном, стремительно "падал".

— Вчера Лариска твоя с работы не одна пришла... с сестрой и подружками... сабантуй тут в саду устроили, песни орали на всю улицу.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Геннадий, для которого то, что жена время от времени в его отсутствие устраивает дома вот такие "артистическо-самодеятельные" девичники, не являлось новостью.

— А то... Пока ты там дерьмо московское разгребаешь, она тут поёт и пляшет.

— Ладно, это не твоего ума дело. Ты всё сказал?

— Да нет, не всё... Так вот, вчера они тут пели, пели, а часов в семь машина подкатила, иномарка с московскими номерами, и она прыгнула в неё и куда-то укатила. Что, до сих пор так и не вернулась? — Алексей с усмешкой и любопытством смотрел Геннадию в глаза. — Мужик там сидел... за рулём-то, а уж куда он её повёз... — Алексей тихо издевательски заржал.

Алексея самого вот уже три года как бросила жена, он теперь кантовался бобылём, и крепкая с виду семья соседа тоже не могла его не раздражать. Геннадий довольно бесцеремонно выпроводил "доброхота", но сам не знал, что думать... и делать. Да, он уже давно осознавал, что у них с Ларисой далеко не всё ладно во взаимоотношениях. Но чтобы вот так, не предупредив? И потом, куда она дела дочку, Раечку? Впрочем, скорее всего она отправила её к своим родителям, а сама... Самые невероятные предположения ползли ему в голову, перед ним прошла вся их совместная жизнь...

3

Геннадий учился плохо. В советское время это обстоятельство считалось основополагающим для всей дальнейшей жизни — плохо учишься, никуда не поступишь кроме ПТУ, а значит будешь простым работягой. Никто как будто и не замечал, что несмотря на плохую успеваемость у Геннадия если не "золотые", то очень хорошо приспособленные к любому ручному труду руки. В школе этим частенько пользовались. Если ломалась парта, классная доска, замок, надо было заменить разбитое стекло... Геннадий, который с малых лет остался за мужика в доме (мать воспитывала его без отца), уже в седьмом-восьмом классе всё это умел делать. Тогда его ровесники, кто грыз науку, мечтая об институте, степенях и симпозиумах, кто, как Алексей, изображал активность по пионерско-комсомольской линии, кто гонял мяч, надеясь на спортивную карьеру... И это всё считалось в порядке вещей — никто "вкалывать" не хотел. Когда после восьмого класса Геннадий поступил в ПТУ, большинство его соклассников либо пошли в техникумы, либо продолжали учиться в 9-м классе в школе, либо в спортинтернате. Когда Геннадий только начинал осваивать сварочный аппарат, тот же Алексей, будучи секретарём комсомольской организации школы, ничуть не сомневался, что куда важнее знать, когда и за что комсомолу вручали ордена...

Кто бы мог помыслить тогда, что Союз, социализм и всё, что считалось нужным для успешной жизни, престижным, всё разом рухнет, а столь непрестижные умения Геннадия останутся востребованными, и, главное, станут куда весомее вознаграждаться. Они ведь всегда необходимы — люди умеющие работать руками, в отличие от прочих, для которых нужны определённые условия, соответствующий

социальный строй. Например, при социализме совсем не нужны всякие там брокеры-маклеры, а при капитализме — освобождённые комсомольские работники.

Лариса была двумя годами моложе Геннадия. Певунья — это прозвище закрепилось за ней с детства. Казалось, она и часа не может провести, чего-нибудь не напевая. Симпатичная, весёлая, в школе она стала душой всевозможных музыкальных постановок. Лариса обладала небольшим, но очень приятного тембра голосом. После десятилетки она даже ездила в Москву поступать в институт культуры... но не прошла конкурс и, чтобы не терять год, срочно поступила в местное медучилище в надежде, что артистическая карьера не уйдёт. Но, как говорится, человек предполагает... Артисткой она не стала, а выучилась на фельдшера, работала в поселковом медпункте.

Геннадий всерьёз обратил внимание на Ларису, когда уже заканчивал ПТУ, а она перешла в восьмой класс. Именно в тот год она из угловатой девочки-подростка как-то очень быстро превратилась в привлекательную девушку с задатками фигуры, которая провоцирует взгляды парней и совершенно не интересуется всяких там модельеров для демонстрации своих моделей. Ведь на таких трудно и хлопотно шить — на груди напуск большой нужен, на бёдрах тоже, в общем, не вешалка. Геннадий не разделял вкусов ведущих модельеров — он сразу и бесповоротно влюбился в Ларису. Но где ему с его репутацией работяги, да ещё и с весьма заурядной внешностью, такому неактивному до неё.

До своего призыва в армию он так и не решился подойти, объяснить. Конечно, у Ларисы и без него имелось достаточно воздыхателей. Именно незадолго до своего ухода на службу Геннадий стал свидетелем сцены, которую запомнил надолго. Стоял май, он получил предварительную повестку из райвоенкомата и в связи с этим был не на работе. Но в райцентре тогда он обернулся быстро и вернулся в посёлок, когда у десятиклассников шел последний урок, физкультура... Геннадий стоял за школьным забором и, прячась в молодой листве, смотрел на залитую весенним солнцем школьную спортплощадку, на которую выбегали ученики... Учителя почему-то не было, и ученики, предоставленные сами себе, принялись гонять мячи. Лариса в туго обтягивающем трико стояла в стороне с одноклассником Романом, признанным школьным поэтом. Они разговаривали, и время от времени чему-то дружно смеялись. Через щели в заборе Геннадий видел, как близко стоят они друг к другу. Роман едва не касался её груди. Потом... потом они незаметно покинули школьный двор, поочерёдно пролезая в заборную дыру. Они уединились в окружении кустов сирени и, уверенные, что их никто не видит, продолжали оживлённо беседовать... при этом Роман взял Ларису за обе руки и стал негрубо, но настойчиво тащить в сторону расположенного неподалёку полуразрушенного сарая. Она упиралась, но как-то не всерьёз, и, в конце концов, дала затащить себя туда. Что там происходило, Геннадий, конечно, не видел. Наверняка,

ничего особенного: объятия, поцелуи... Но то, что Роман дал волю рукам, сомневаться не приходилось. Из сарая они вышли минут через десять, оба покрасневшие, причём Лариса оправляла трико и беспокойно посматривала по сторонам. Убедившись, что их уединения в сарае никто не видел (Геннадий поспешил залечь в траву), она заметно успокоилась...

Через две недели Геннадий ушёл в армию, уверенный, что Ларисы ему не видать как своих ушей. Так бы оно, наверное, и вышло, но ход истории внёс свои коррективы. Геннадий призывался в мае девяностого, ещё в СССР, а дембельнулся он уже в мае девяносто второго, когда и страна, и общественный строй были уже другие...

4

Роман, доморощенный стихоплёт, её старая школьная любовь. Почему-то, когда после семейных размолвок в доме воцарялась молчаливая напряжённость, Геннадий думал, что если Лариса уйдёт от него, то именно к Роману. Тем более что сейчас он разведён и свободен. Хотя, с другой стороны, глупо уходить от мужа, который не пьёт, неплохо зарабатывает и считается едва ли не первым хозяином в посёлке. А главное... этого она не может не понимать — он по-настоящему с неослабевающей силой её любит...

Он посватался летом девяносто третьего, дождавшись, когда Лариса окончит медучилище. К тому времени уже многое изменилось в посёлке. Парни, молодёжь в основном, разбежались кто куда из-за безработицы, растерялись, не зная куда ткнуться, и многие мужики постарше. Роман, правда, сумел поступить в пединститут на филфак, но продержался там почему-то недолго и естественно в свою очередь загремел в армию. Дефицит парней привёл к тому, что девчонки на выданье тоже потянулись из посёлка.

Лариса не отказала Геннадию, хотя он и чувствовал, что душа у неё к нему не очень "лежит". Но он её так любил, так хотел. Ему казалось, что его к ней отношение в конце концов вызовет ответные чувства. "Акции" Геннадия как жениха повисились ещё и оттого, что, едва дождавшись сына из армии, умерла его часто хворавшая мать. Так что молодая жена входила в дом полноправной хозяйкой. Неужто только это подвигло тогда Ларису, да еще то, что её, вне всякого сомнения, подталкивали к замужеству её собственные родители, у которых подрастала вторая дочь, и в доме было тесно? Тогда он не придавал особого значения тому, что Лариса не может жить без друзей-подруг, любила праздники, веселье, а он... Он был слишком замкнут, любил работу, даже монотонную и нудную. Он не мог тогда по молодости и неопытности осознать, что девчонка, выросшая в рабочем посёлке сельского типа, с садом, огородом, курями... ненавидит всё это, а любит то, чего никогда не имела, не знала: городскую квартиру, асфальт на улицах, широкие площади, потоки машин. Ну, а прежде всего, конечно, сцену, песни, выступления перед публикой. Она по натуре являлась сугубо городской жительницей, которую угораздило родиться и жить фактически в селе. Он копил на внедорожник, а она всё чаще заводила разговоры о продаже дома и покупке квартиры в городе. Он не принимал эти намёки всерьёз, но и не спорил, отмалчивался. Он любил её, но любил и свой дом, в котором вырос, и который сам перебирал по брёвнышку, любил яблони в саду, которые сам сажал и прививал, любил лес, в котором знал с детства все охотничьи, грибные и ягодные места. Да, он дважды в неделю ездил на работу в Москву, но жить он хотел только здесь, а она... Он же продолжал надеяться, что стерпится-слюбится, тем более в этой новой, наступившей после девяносто второго года жизни, он уже не являлся заведомым аутсайдером.

Но, похоже, Геннадий ошибся — не стерпелось, не слюбилось: она ненавидит то, что так любо ему, а он... Ну не мог он проникнуться осознанием того, что умение петь — это такое великое дарование, перед которым все прочие таланты ничто. Не мог он так же как она смотреть по телевизору не отрываясь эстрадные концерты и потом часами обсуждать их с подружками, слушать их совместные стенания, что не там родились, что вот в городе в Москве их бы наверняка заметили. Не мог, но понимал, что жене нужна отдушина, а потому не возражал, если она в его отсутствие приглашала в дом подруг, и те "отрывались" на ниве хорового пения. Наверное, хорошо пели, ведь они вкладывали в те песни всю боль своей души, но Геннадий не мог это оценить. Тем не менее, он продолжал её любить, хоть и органически не мог принять её мировоззрения. За что? Иногда говорят, что любовь не имеет причин, любят ни за что. Он любил её прежде всего физически, конкретно её улыбку, русые волосы, её запах и, конечно, тело. Он готов был терпеть всё, и вот... Неужели она всё-таки ушла? Хотя вроде бы никаких сопутствующих признаков, все вещи на месте, позавчера она была такая же, как всегда. Геннадий, мучая себя мыслями о том, что Лариса бросила его, почему-то гнал куда более правдоподобные думы — о банальной измене. Завезла дочку родителям, а сама закатилась куда-нибудь с кем-нибудь, с тем же Романом.

Роман... точно, несколько дней назад к родителям приехал Роман с каким-то приятелем, и кажется — на иномарке. Как же он сразу не догадался. А за ней мог вполне заехать тот самый приятель, чтобы самому Роману перед соседями не светиться... Хотя, уже столько лет прошло, у Ларисы дочь, у него где-то сын, и вообще этот бывший школьный поэт ничего путного в жизни не сделал, не добился: осел где-то рядом с Москвой — не то в Люберцах, не то в Реутове, чем-то там занимается, не то мелким бизнесом, не то мелкой халтурой. Нет, ничего не мог дать Роман Ларисе из того, о чём она мечтала, у него даже квартиры там своей нет, да ещё алименты платит. Неужто так сильно у неё то старое чувство, что она не может забыть?..

Геннадий нервно ходил взад-вперёд по своему просторному дому: залитой солнцем веранде, гостиной, детской, спальне, двум кухням, зимней и летней. Он сам всё это расширял, пристраивал, в результате маленькая родительская избёнка превратилась по местным меркам в роскошное жильё. Даже горячую воду он для жены организовал, купил электронагреватель, пустил через него холодную воду... Как можно сравнивать его нынешний бревенчатый пятистенок с бетонной коробкой городской квартиры, эту просторную баню с тесной ванной комнатой?.. Но она, увы, не переставала мечтать именно о городской квартире и не видела в привычном мире окружающих её вещей никаких достоинств.

— Ну и ладно... насильно мил не будешь, — вполголоса с отчаянием произнёс Геннадий.
— Но дочка, Раечка... нет, не отдам... сам воспитаю. Ей праздника не хватает в жизни, тоже мне, Егор Прокудин в юбке, тому тоже всё праздника не хватало... Ладно, иди, гуляй, празднуй, в тридцать лет ещё можно жизнь поменять, но девчонке не дам жизнь калечить, с отчимом жить, у неё, слава Богу, отец живой...

Геннадий, мучимый раздумьями, прождал почти до обеда — его домочадцы так и не появились. Надо было идти на другой конец посёлка к родителям Ларисы и выяснить

всё... Но он не решался, словно боясь узнать правду. Он, казалось, сделался нечувствителен к усталости, но она как-то исподволь, незаметно навалилась и его думы-домыслы сами собой трансформировались в сновидения. Он задремал, как был, сидя за столом, уронив на него голову.

Геннадий опять видел тот же школьный двор и полуразрушенный сарай, и Ларису с Романом, но уже не старшеклассниками, а нынешними, тридцатилетними. Она в туго обтягивающем её цветном сарафане, в выходных босоножках. Он... он почему-то одновременно смахивал и на бомжа, и на непризнанного поэта-авангардиста: нестриженные, невымытые космы до плеч, мятые брюки, несвежая рубашка, на ногах кроссовки без шнурков на босу ногу... И вот это нечистое создание уверенно тянет в сарай его Ларису, ухоженную, красивую, нарядную, уже не девочку, а, так сказать, мужнюю жену. А та, словно не замечая убогого вида кавалера, довольно улыбается и почти не противится. Сон позволял, в отличие от реальности четырнадцатилетней давности, видеть и то, что происходит внутри сарая — Геннадий незримо присутствует рядом, будто невидимка.

— Как тебе с Генкой-то, скучно, поди? — голос Романа выдавал вожелание.

— Да когда как, — равнодушно отвечает Лариса.

— Помнишь, как нам с тобой весело, хорошо было, какие стихи я тебе посвящал? — Роман слегка приседает и своей ладонью уверенно берёт Ларису за ногу чуть выше колена и ползёт эта ладонь вверх, поднимая подол сарафана, обнажая сочные, золотистые от загара бёдра...

— Папка, ты чего тут на столе спишь?!

Геннадий с трудом поднял тяжёлую голову. Его бесцеремонно трясла двумя руками, вцепившись в рубаху, дочка.

— Раечка... ты... ты как здесь? — Геннадий с трудом избавлялся от чар тяжких

сновидений, возвращался в реальность. — А мать где?

— Сейчас идёт, я её обогнала. А ты почему в кровать не лёг, разве так можно спать?

— А где... где вы были? — его вопросы становились всё более осмысленными и тревожными.

— Я у бабушки с дедушкой ночевала, а мама с каким-то дяденькой на машине уезжала...

Дальше Геннадий уже не слышал, так как хлопнула калитка палисадника и послышались звуки знакомой походки... У него замерло сердце... Лариса вошла усталая, но совершенно спокойная.

— Здравствуй, а чего это ты не переоделся... и спать, что ли, не ложился?.. Ты что, и не ел ничего весь день?! — она прошла на кухню и там с удивлением обнаружила, что приготовленная ею вчера еда не тронута.

— Раечка, иди к себе, — жёстко приказал Геннадий и дочь, сразу сообразив, что отец чем-то не на шутку рассержен, поспешила скрыться в своей комнате.

— Ну, чего ты девчонку гоняешь? Сейчас я быстро всё разогрею и обедать сядем, — слышался недовольный голос Ларисы из кухни, вытаскивающей суп из холодильника.

Она поставила кастрюлю на плиту, зажгла газ, и когда обернулась, наконец, обратила внимание на то, как смотрит на неё стоящий в проёме кухонной двери муж.

— Где ты была?! — зловеще вопрошал Геннадий, но Лариса, похоже, не прочувствовала всей "глубины" вопроса.

— А почему такой тон?! — столь же резко задала она встречный вопрос.

Геннадий в упор испепелял взглядом жену. Лариса стояла в том же самом сарафане, в котором он видел её в прерванном недавно сне. Он грубо, чего себе никогда не позволял, схватил её за голую руку выше локтя и резко развернул к себе полностью. Из её рук выпала ложка и стукнулась об пол.

— Я спрашиваю, где ты была весь вчерашний вечер, ночь и сегодня?!

Лариса сделала попытку освободиться, но он не выпустил её руки.

— Пусти, больно!..

— Я жду ответа!

— А я отказываюсь разговаривать... раз ты так...

Она вдруг заплакала навзрыд. Геннадий от неожиданности отпустил её. Не отнимая от глаз носового платка, она быстро прошла в комнату... Геннадий растерянно за ней. Лариса опустилась в кресло, в котором обычно смотрела телевизор и, утерев слёзы, стала напряжённо смотреть в тёмный экран, будто он работал.

— Так, где ты была... и ночевала? — уже сдержаннее спросил Геннадий.

Лариса с негодованием усмехнулась:

— Ты что же, серьёзно думаешь, что я где-то всю ночь гуляла!? Господи, ну и с дуралеем же я целых десять лет живу. Вместо того, чтобы к моим сходить и всё разузнать... — она не спеша отвела взгляд от безжизненного экрана и так посмотрела на мужа...

Геннадий наконец начал осознавать, что в своих домыслах-фантазиях, пожалуй, хватил лишку и утратил способность реально оценивать события. Но не так-то просто оказалось вновь заставить себя мыслить рационально после нескольких часов тяжелейшего помешательства на почве ревности.

— Так всё-таки объясни, где ты была... и на какой там иномарке тебя увозили? — голос Геннадия уже не звучал грозно, но по-прежнему излучал подозрения.

- Надо же... И кто это тебе успел настучать? Представляю, как тебе всё обрисовали... А ты и поверил? Мне, значит, веры нет, а уличным брехунам веришь, — из её глаз, казалось, вот-вот вновь брызнут слёзы...

Со стороны улицы возле калитки послышался скрип тормозов. Геннадий нервно глянул в окно. Через штакетник забора виднелась не первой молодости иномарка, а возле калитки топтался незнакомый мужик лет сорока, в руках он держал большой букет цветов. Лицо Геннадия, вроде бы несколько успокоившееся, вновь злобно исказилось. Цветы были не полевые, а явно покупные из города. Он кинулся через веранду во двор, резко распахнул калитку с таким лицом, что мужик с букетом в некотором испуге попятился. Незнакомец видимо интуитивно понял причину столь зловещего взгляда... Он вдруг мягко и благодарно улыбнулся и быстро заговорил:

— Извините... Вы муж Ларисы, местной фельдшерицы? Видите ли, я из дачного посёлка, мой сын вчера серьёзно поранил ногу, рассёк её об острую ржавую железяку, возникла опасность заражения крови. Благодаря вашей жене всё, слава Богу, обошлось почти без последствий. Она и перевязку сделала, и согласилась сопровождать нас до райбольницы, и там добилась проведения операции. И потом... я очень переживал за сына, а медперсонала там не хватает, и я попросил Ларису остаться рядом с нами на ночь. Поэтому она была вынуждена возвращаться на автобусе уже днём. Сейчас у сына вроде всё нормально, и я вот приехал выразить свою признательность... Кстати, а

Лариса сейчас дома?

6

Ближе к ночи, уложив дочку спать, они по обыкновению смотрели телевизор, лёжа в постели и вполголоса разговаривали. Букет стоял в вазе на столе.

— Я и не подозревала, что ты можешь так ревновать, — Лариса, скосив глаза, смотрела на чернеющий на фоне белой наволочки профиль мужа будто видя его впервые.

Геннадий слегка тряхнул головой — его одолевала дрёма, но настоящий сон почему-то не шёл.

— Ну, хватит, Лар... ну сколько можно. Ну, дурак, ну втемяшилось в башку, ухайдокался после смены, а тут захожу — ни тебя, ни девчонки, — в который раз он оправдывался, не зная как загладить вину. — Ты только не думай, я всё понимаю.

— Что ты понимаешь? — Лариса взяла лежащий поверх одеяла пульт и переключила программу.

— Ну, что скучно тебе со мной.

— Ну и что... у тебя появились какие-то конкретные предложения?

— Да не знаю... ну, в общем... чёрт с ним с внедорожником. Давай, как ты хочешь, квартиру в городе купим. Хочешь, в Москве купим. Накопим, я работаю, ты работаешь, тратим мы мало, продукты свои...

— Чего это тебя так... уговаривала тебя, уговаривала, и слушать не хотел, а тут вдруг... в Москве... Да ты знаешь, сколько в Москве квартиры-то стоят?

— Ну... тысяч пятнадцать баксов, наверное, — неуверенно ответил Геннадий.

— Что... пятнадцать? — Лариса аж приподнялась на постели, и в голубоватом свете, исходящем от телевизора, прямо перед глазами Геннадия мелькнула полная обнажённая рука жены с уже успевшим потемнеть синяком на предплечье. — Ты бы хоть спросил-поинтересовался, в Москве ведь так часто бываешь. Пятнадцать, — она снисходительно улыбнулась, перебила подушку и вновь легла. — Даже однокомнатную в хрущёбе за пятнадцать сейчас не купишь — не меньше двадцати-тридцати. Даже если и накопим, ты что — собираешься нас там в однокомнатную всех запихнуть, у нас же девчонка растёт. А на двухкомнатную нам с тобой до пенсии пахать, — она говорила с искренним сожалением... но сомнений не было — она уже не раз сама обдумала этот вопрос и сделала неутешительный вывод.

— А как же... ты тогда здесь... ты же вон какая... талантливая, тебе на сцену надо, выступать, — он уже сам не знал, как её утешить.

Лариса повернула голову, и они несколько секунд смотрели в глаза друг другу. И он увидел совсем другие её глаза. Пожалуй, впервые за все годы супружества она смотрела на него без насмешки, без снисхождения. Потом она заговорила, словно жалея его... и себя:

— Глупый ты, Ген... мне уж тридцать, поезд ушёл. Ты не кори меня, что я артистам завидую, не одна я такая. Они ведь сами себе праздники устроить могут когда захотят,

тогда как остальные люди живут в каждодневных буднях. А талант... какой талант, в лучшем случае способности были, а способных много. Талант — это Русланова, Шульженко, Пугачёва, ну ещё может эта придурь сдвинутая — Агузарова — их единицы. Конечно, можно и со способностями и даже без них выступать. Вон их сколько, которые за правильных мужиков замуж выходят, фамилии на красивые меняют, а потом, когда звездами становятся, мужей бросают. Но у них, как видишь, совсем другой талант, не певческий. У меня нет такого, я нужных мужиков окручивать не умею. Я вот тебя только... хоть и не делала для этого ничего, а так уж вышло... — Лариса направила пульт на телевизор и, отключив его, потянулась всем телом к Геннадию...